

За наших пророков в нашем отечестве

Чертыхания художника Александра Токарева в форме тоста

Общая
газета,
-1998
-30 марта -
-5 стр.
-с. 10

ТЫШЛЕР гениальный художник? Великий? Время разбирается. Раньше проще было - звание определяло. Получил «народного СССР» - значит великий. И по ранжиру место на Новодевичьем. Правда, звания посмертно не давали. И все знали: подсуеиться надо при жизни. Тышлер не суетился.

Нынче переоценка ценностей. Рынок ценностей. Шагала - уже великий. Пикассо - давно великий. А вот Тышлер - помоложе и не там жил, где надо. Из нашеньких пророков нашенького отечества. Некому и некогда с ними разбираться.

Хорошо, вдова Тышлера жива - есть кому о юбилее вспомнить. Выставку собрали. Столетье отметили. Каталог очень милый, культурный... В общем, все благопристойненько, на первый взгляд. Но всякие вопросы в голову лезут. Почему в Музее личных коллекций? Почему так скромненько и чуть стыдливо? Как будто рассчитано на довольно узкий слой вымирающей интеллигенции, которая еще что-то знает и слышала об этом художнике.

Понятно, почему молоденькие обозреватели вернисажей в кратких отчетах обзывают Тышлера «театральным художником», который еще и живописью занимался. Чуть, конечно! Не был Тышлер театральным художником. Он был просто художником. Да, он много работал в театре. Честный художник в те времена искал отдушину, где можно было оставаться самим собой. И так спасался от духовного тлена, в котором погибли многие таланты. В незаметно затягивающем водвороте «соцреализма».

Он делал стихи на холсте и бумаге. Он вырезал их из кусков дерева, из поленьев, как папа Карло. Он занимался деланьем метафор. Он метафоричен во всем и всегда. В вещах реалистических и отвлеченно поэтических.

Портрет Лили Брик. Никаких дополнительных средств, все просто и точно. Образ бывшей красавицы. Лишь черная вуаль на шляпке - кокетливая деталь, превращенная в знак печали. Черный нимб. А может, терновый венец. Или сетка сачка, паутина времени, исеянная мушками. Гениальная метафора! Теперь, зная судьбу мадам Брик и ее роль в истории, мы можем догадываться, насколько она была противоречивой, трагичной фигурой. Я думаю, Тышлер не знал о ней всего. Но большой художник прозревает человеческую сущность и сущность. И никогда не бывает безжалостен.

Создание метафор - дело нелегкое. Даже, может быть, самое сложное из всех способов изобразительного языка. Потребность в поиске этого способа искусство ощущало всегда. Но наиболее активно и успешно занимался этим XX век. Оглянемся

Директор погоды. 1926.

гда над художником не висит дамоклов меч голода и нищеты.

А Тышлер забился в пыльный угол сцены за театральной кулисой, занятый проблемой выживания... Может быть, поэтому в его творчестве языковой отбор жестче и точнее. Он ближе к античности, этот философ-поэт. Он предельно музыкален, он - человек-театр. Его холсты - это создание собственного театра, в котором он сам себе драматург, режиссер, актер и сценарист. Его девушки - условно-поэтические музы-лолиты-кариатиды-дриады. В них нет конкретики, портретной узнаваемости. Они - знаки. «День рождения», «Балаганчик», «Город». Девичья головка полна сумятицы, надежд, карусельного движения, танца... Это не девушки-современницы, это портреты их чувств. Более немислимую задачу придумать трудно. Насупленные брови роденовского «Мыслителя», пожирающего собственный кулак, вызывают улыбку.

Я помню один из замечательных тышлеровских холстов, которого, к сожалению, не было на выставке в Музее ча-

Моранди и Тышлера доказывают величие ассоциативного искусства, которое, конечно, надо уметь читать, прикладывая некоторые интеллектуальные и душевные усилия.

Был еще один художник в Европе XX века, которого хотелось бы сравнить с Тышлером, хотя - подчеркиваю - никаких внешних признаков похожести в них нет. Более того, стилистически они диаметрально противоположны. Магрит. Загадочный, ни на кого не похожий художник, которого старатели-искусствоведы пытались причислить и к сюрреалистам, и к символистам, и еще черт знает к кому. Но на самом деле, он был одиноким странником в густо населенной пустыне, называемой искусством.

Сегодня у Тышлера есть два небольших зала в постоянной экспозиции Музея частных коллекций. И еще несколько ранних работ в постоянной экспозиции Третьяковской галереи. И даже музей его имени на его родине в городе Мелитополе. Замечательно - скажете вы. Он не забыт. Он признан. О чем еще мечтать? А хочется одной простой вещи, ибо все познается в сравнении: чтобы великий художник Тышлер имел в Москве свой музей.

Магрит и Тышлер ровесники. Этот год для них юбилейный. По сто лет каждому. Бельгийцы не забыли своего гения. В Брюсселе юбилей празднуют пышно. В Национальном музее (главном музее страны) собрана выставка такая, что при жизни Магрит и мечтать не мог. Два года собирали со всего света. И вот куратор выставки с гордостью заявляет, что государству она не стоила ни гроша. Как же это, черт возьми и подери, у них выходит?! Билеты распроданы за месяц вперед. Народ давится, стоят в кассу ночами напролет, приезжают со всего мира... Что же это за разумное такое умение выставки, которые окупаются?

Сегодня позарез нужен Москве, России Музей современного искусства! Такая структура, которая способна заниматься собиранием (коллекционированием) искусства XX - XXI вв., популяризацией, пропагандой, анализом и стимуляцией. Такой музей можно и нужно сделать окупаемым, но... Упаси нас Боже от очередного уродца, которым нас порадует главный академик, такой деятельный и предприимчивый.

Настоящие предприниматели нужны изобразительному искусству, как театру и кино продюсеры. Таких людей надо искать, готовить и пестовать, создавать для них новые законы, режим наибольшего благоприятствования.

А пока нальем по сто грамм за столетие Тышлера. И еще по сто - за Магрита. И еще по пятьдесят - за будущий Музей современного искусства.

Ваше здоровье!

Записала
Екатерина ВОЛКОВА

Погром. 1925

ся назад, попытаемся понять, чего накопили и намыли старатели на этой златоносной жиле. Честно говоря, немало, но и не так уж много. Возьмем «удачника» и «счастливец» Шагала. Тышлера хочется сравнивать с Шагалом. Он и сам себя сравнивал с ним, мучительно завидую складно сложившейся судьбе, которая давала свободу и, как нам отсюда казалось, безграничные возможности творческой реализации. В их языке параллельно, выйдя почти в одно и то же время из одной точки. Или жирной кляксы, называемой Россией. Шагала подогревали аплодисменты, мировое признание, деньги, в конце концов. О, это большое счастье, ко-

стных коллекций, - «Девушка с лентой» (за точность названия не ручаюсь, это было лет 20 назад). Та же кариатида, дриада или еще как хочешь назови. Лента обвивает ее, трепещет над ней, обозначая все и ничего. Она сама лента. По чистоте образа можно сравнить с Кандинским. Но Кандинский слишком отвлекся. Сердцу ближе и понятней Тышлер. Как понятнее и ближе всех музыкальных переусложнителей Шопен.

Еще по величине и силе открытия я бы сравнил это с натурмортами Моранди, который из невнятных предметов различной формы - бутылок, флалкончиков, кубиков и пр. делал целые поэмы, полные иносказаний, глубокого смысла. Опыты